

ПОЛЕВАЯ ДИСЦИПЛИНА КОННОЙ ЧАСТИ И ВОЙСКЪ ВООБЩЕ ¹⁾

(30-тилѣтнія наблюденія).

окращеніе сроковъ службы наложило тоже свой отпечатокъ на дѣло, и приходится сознаться, что пока мы еще не успѣли примѣниться къ народившимся новымъ условіямъ. Можетъ быть, надо удвоить, утроить энергію и увеличить штаты кадровъ, можетъ быть, дѣйствительно, необходимо измѣнить кореннымъ образомъ систему обученія, по крайней мѣрѣ, во всемъ, касающемся полевой службы, и подчеркнуть многое изъ упоминаемаго нами въ этой замѣткѣ при изданіи новыхъ инструкцій и наставленій. Въ прочихъ отрасляхъ обученія у насъ найдены уже, такъ сказать, «modus vivendi», а стрѣльбу даже значительно улучшили не только въ пѣхотѣ, но и въ кавалеріи; за послѣдніе годы сдѣланы также огромные успѣхи въ отношеніи преодоленія на конѣ препятствій въ вышину; наши успѣхи по гимнастикѣ и фехтованію тоже рѣзко бросаются въ глаза. Полевое же дѣло, а въ особенности развѣдка, какъ самое трудное и выдвигающее постоянно и почти что исключительно на арену дѣятельности одиночнаго человѣка, ждетъ еще рѣшенія этой нелегкой задачи! Нельзя обойти молчаніемъ и факта, что мы за послѣднее время стали чересчуръ разбрасываться: нашъ кавалеристъ бѣгаетъ теперь на лыжахъ и состязается въ этомъ антикавалерійскомъ спортѣ, отрывающемъ нашего, и такъ уже мало ѣздящаго верхомъ, нижняго чина еще больше отъ коннаго дѣла, ибо лыжи требуютъ ежеднев-

¹⁾ См. «Воен. Сб.» №№ 7, 8.

воспитательное значеніе; «парадное дѣло» дисциплинируетъ солдата, придаетъ ему выправку, бодрость, самоувѣренность. Что японская армія могла обходиться безъ парадной муштры, это надо приписать счастливому для нея стеченію обстоятельствъ и другимъ причинамъ, говорить о которыхъ затянуло бы дѣло—она обратитъ на это вниманіе въ будущемъ. Германія цѣпляется за свою муштру крѣпко и не раскаивается въ этомъ. Прусская гвардія подъ Сень-Прива, наша гвардія подъ Горнымъ Дубнякомъ дали о пользѣ парадной муштры ясное доказательство. Нынѣ у насъ этой муштровки мало, въ особенности въ провинціи—Драгомировская школа не придаетъ ей, къ сожалѣнію, подобающаго значенія. Чѣмъ короче сроки службы, тѣмъ болѣе надо стараться сохранить возможное количество парадной муштры, чтобы не приблизиться слишкомъ къ милиціи. Но плацпарадные занятія не должны затирать полевого, боевого дѣла, это также несомнѣнно. Было бы поэтому весьма желательно, чтобы послѣдовало строжайшее запрещеніе заниматься послѣ 1-го марта каждаго года «курцгалопомъ», карусельною манежною ѣздою и массою небоевыхъ упражненій. Манежный галопъ нуженъ, и разумная карусельная ѣзда (но отнюдь не заученныя пѣшкомъ наизусть фигуры) полезна, какъ приемы, уравновѣшивающіе коня, обучающіе управленію имъ и развивающіе вниманіе, но все это, равно какъ и занятія въ классѣ, надо продѣлывать въ мѣру—это зимняя работа, а весною она не должна имѣть мѣста. Желательно, чтобы это заканчивалось къ 1-му марта или къ 1-му апрѣля, а, гдѣ климатическія условія позволяютъ, и еще раньше, дабы конница готовилась съ ранней весны къ полевой службѣ, ходила часто и продолжительно уже въ манежахъ такъ называемымъ фронтовымъ, а при первой возможности и полевымъ галопомъ, занималась также ѣздою въ одиночку и развитіемъ полевыхъ качествъ у каждаго всадника. Въ нѣкоторыхъ полкахъ это и дѣлается; но есть и части, гдѣ изъ манежа и класса не вытѣзаютъ. Иной болѣе опытный офицеръ готовить порученныхъ ему людей систематически для настоящаго дѣла, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и такихъ офицеровъ много, а число ихъ увеличивается ежедневно, но поголовнаго, опредѣленнаго требованія въ этомъ отношеніи нѣтъ—смотровъ полевой подготовки одиночнаго человѣка (внѣ класса) не бываетъ, системы провѣрки этого дѣла практическимъ путемъ у насъ до сихъ поръ не существуетъ, «доктрины» нѣтъ, элементарной полевой школы не существуетъ, а «классные наши развѣдчики», и если судить по приказамъ о

ныхъ, продолжающихся 5—6 часовъ упражненій²⁾. Нижнихъ чиновъ обучаютъ чтенію, письму, арифметикѣ, саперному и телеграфному дѣлу, а также сигнализаци; имъ читаютъ лекціи о земледѣліи, ихъ знакомятъ съ отечественной исторіей и географіей, а нѣкоторые начальники не только поощряютъ, но прямо требуютъ категорически устройства солдатскихъ кинематографовъ, туманныхъ картинъ и спектаклей, которые отнимаютъ массу времени отъ занятій. Все перечисленное полезно, что и говорить, исключая развѣ «комедіюманіи», выдвигающей въ большинствѣ случаевъ въ герои какого-нибудь пьяницу изъ фабричныхъ, съ которымъ послѣ нѣкотораго сценическаго успѣха,—причемъ его удостоилъ разговоромъ, можетъ быть, начальникъ дивизіи или корпусный командиръ, и оба похвалили,—сладу обыкновенно уже не бываетъ³⁾. Главное зло, однако, заключается въ томъ, что всего перечисленного нельзя при 3-хъ и 4-хъ лѣтнемъ срокѣ службы одолѣть, постичь или усвоить въ равной мѣрѣ; и такъ уже не хватаетъ иногда ни времени, ни людей на порядочную уборку лошадей, а въ суточные наряды солдаты ходятъ сплошь и рядомъ 2—3 дня подрядъ. Что-нибудь приходится по необходимости, помимо всякаго желанія, выбрасывать за бортъ и, если эта участь, можетъ быть, и не всегда постигаетъ полевую службу, то безусловно вѣрно, что послѣдняя, какъ подающаяся менѣе всего фактическому контролю, отодвигается въ большинствѣ случаевъ совершенно на задній планъ. И здѣсь можно повторить еще разъ «*Qui trop embrasse, mal etreint*». Желая имѣть дѣльную конницу, надо выработать строгую программу того, чему обучать ее, и преслѣдовать за всякія новыя выдумки, отрывающія ее отъ обученія своему прямому и главному дѣлу.

Надо отмѣтить и то, что полевое дѣло требуетъ подготовки, основанной на упорномъ трудѣ съ одиночнымъ человѣкомъ, а мы любимъ «валовую работу» и не можемъ отъ нея отрѣшиться, несмотря на то, что весь міръ признаетъ ее пригодною развѣ для плацпарадовъ. Парадная сторона имѣетъ несомнѣнно очень важное

²⁾ Прочная приточка лишь къ сѣдельному вьюку кавалериста невозможна; онъ при движеніи не только фронтомъ, но и въ походной колоннѣ догаются; вообще польза отъ этого антикавалерійскаго орудія весьма проблематична—это одна изъ многихъ кабинетныхъ выдумокъ, неиспытанныхъ практикою.

³⁾ Любительскіе спектакли—это отличное развлеченіе для офицеровъ. Оно удерживаетъ отъ картъ и разныхъ притонныхъ, сблизивъ молодого человѣка съ благороднымъ женскимъ элементомъ. Воспитательное значеніе этихъ развлеченій несомнѣнно: они облагораживаютъ молодежь, но солдатскіе спектакли развращаютъ лишь нижнихъ чиновъ, отрываю отъ нарядовъ и прочихъ служебныхъ обязанностей.

воспитательное значеніе; «парадное дѣло» дисциплинируетъ солдата, придаетъ ему выправку, бодрость, самоувѣренность. Что японская армія могла обходиться безъ парадной муштры, это надо приписать счастливому для нея стеченію обстоятельствъ и другимъ причинамъ, говорить о которыхъ затянуло бы дѣло—она обратитъ на это вниманіе въ будущемъ. Германія цѣпляется за свою муштру крѣпко и не раскаивается въ этомъ. Прусская гвардія подъ Сень-Прива, наша гвардія подъ Горнымъ Дубнякомъ дали о пользѣ парадной муштры ясное доказательство. Нынѣ у насъ этой муштровки мало, въ особенности въ провинціи—Драгомировская школа не придаетъ ей, къ сожалѣнію, подобающаго значенія. Чѣмъ короче сроки службы, тѣмъ болѣе надо стараться сохранить возможное количество парадной муштры, чтобы не приблизиться слишкомъ къ милиціи. Но плацпарадные занятія не должны затирать полевого, боевого дѣла, это также несомнѣнно. Было бы поэтому весьма желательно, чтобы послѣдовало строжайшее запрещеніе заниматься послѣ 1-го марта каждаго года «курцгалонемъ», карусельною манежною ѣздою и массою небоевыхъ упражненій. Манежный галонъ нуженъ, и разумная карусельная ѣзда (но отнюдь не заученныя пѣшкомъ наизусть фигуры) полезна, какъ приемы, уравнивающіе коня, обучающіе управленію имъ и развивающіе вниманіе, но все это, равно какъ и занятія въ классѣ, надо продѣлывать въ мѣру—это зимняя работа, а весною она не должна имѣть мѣста. Желательно, чтобы это заканчивалось къ 1-му марта или къ 1-му апрѣля, а гдѣ климатическія условія позволяютъ, и еще раньше, дабы конница готовилась съ ранней весны къ полевой службѣ, ходила часто и продолжительно уже въ манежахъ такъ называемымъ фронтнымъ, а при первой возможности и полевымъ галонемъ, занималась также ѣздою въ одиночку и развитіемъ полевыхъ качествъ у каждаго всадника. Въ нѣкоторыхъ полкахъ это и дѣлается; но есть и части, гдѣ изъ манежа и класса не вылѣзаютъ. Иной болѣе опытный офицеръ готовить порученныхъ ему людей систематически для настоящаго дѣла, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и такихъ офицеровъ много, а число ихъ увеличивается ежедневно, но поголовнаго, опредѣленнаго требованія въ этомъ отношеніи нѣтъ—смотровъ полевой подготовки одиночнаго человѣка (внѣ класса) не бываетъ, системы проверки этого дѣла практическимъ путемъ у насъ до сихъ поръ не существуетъ, «доктрины» нѣтъ, элементарной полевой школы не существуетъ, а «классные наши развѣдчики», и если судить по приказамъ о

маневрахъ, пасуютъ сплошь и рядомъ въ практическомъ примѣненіи выученнаго ими въ классѣ полевого дѣла совершенно. Настоятельно необходимо поэтому приступить, какъ можно скорѣе, къ выработкѣ рациональныхъ приемовъ весенней повѣрки этого дѣла. Нужно перенести весенніе смотры изъ удушливой «казарменной атмосферы» на мѣстность, дабы совершенствованіе въ полевомъ дѣлѣ пошло ускореннымъ ходомъ. Для этого надо, чтобы среди начальниковъ развились твердые, опредѣленные взгляды на полевую подготовку кавалериста, и чтобы они не упустили ее изъ вида при производствѣ смотровъ. И на Западѣ далеко не вездѣ имѣются точныя инструкціи для веденія этихъ занятій, строгой регламентаціи этого дѣла и тамъ, насколько мнѣ извѣстно, не существуетъ, но за границею вообще предоставляется больше инициативы офицерамъ; даже учителя изъ унтеръ-офицеровъ, и тѣ пользуются гораздо большей въ этомъ отношеніи свободой, чѣмъ у насъ офицеръ. Всѣхъ ихъ судятъ по результатамъ, а разъ послѣдніе, при большихъ требованіяхъ на мѣстности, хороши, то и система обученія признается тоже хорошею. Въ большинствѣ заграничныхъ армій подготовительный къ полевой службѣ курсъ не играетъ, впрочемъ, столь большой роли, ибо весьма грамотный составъ людей усваиваетъ сложную номенклатуру и всю технику полевой службы скорѣе, чѣмъ нашъ. И то приходилось намъ видѣть, что молодого солдата, раньше постановки въ строй и до того, что обучали его полевой службѣ, заставляли 2—3 недѣли ѣздить по мѣстности и продѣлывать разныя упражненія, вырабатывающія въ немъ сначала здравый смыслъ, ловкость и находчивость, а потомъ уже занимались полевой службою. Мы же ограничиваемся почти-что одною теоріею, неусваиваемой большинствомъ, а потомъ переходимъ сразу «къ настоящему дѣлу», безъ предварительной практической элементарной подготовки и безъ повѣрки таковой. Начальникъ, желающій быть современнымъ и повѣрять людей въ полѣ, и тотъ ограничивается у насъ въ большинствѣ случаевъ даже на мѣстности заданіемъ вопросовъ: «что такое пропускъ, отзывъ? Какія обязанности часового на сторожевомъ посту, а то начальника дозора, разѣзда? Что ты предпримешь, если случится то-то или то-то?» и т. д. Въ такомъ духѣ составлено и большинство руководствъ для практическихъ (будто-бы) занятій. Но это вѣдь ни что иное, какъ переносъ того же класса, который, какъ выше сказано, не даетъ хорошихъ результатовъ, на открытый воздухъ, это та же голая теорія, называемая почему-то практикою. Между тѣмъ не

слѣдовало бы экзаменовать солдата, какъ гимназиста, а надо заставлять его дѣлать дѣло, дѣйствовать, необходимо видѣть воочию, какъ онъ работаетъ, и поправлять его, но для этого надо ползать съ нимъ иной разъ по утесамъ, прятаться, пожалуй, въ урочищахъ, работать съ нимъ вмѣстѣ, дѣлая поправки и замѣчанія, а этого мы или не любимъ или не умѣемъ—предлагать вопросы куда проще, равно какъ весьма просто и удобно, пропуская на походѣ часть мимо себя, выдавать ей какъ бы аттестатъ о полевой работоспособности людей и коней!

Если за границею нѣтъ опредѣленныхъ инструкцій для такой работы, то это еще не значитъ, что у насъ нѣтъ въ нихъ надобности или что не съ кого скопировать ихъ. У насъ есть своя національная старая и новая боевая школа и свои образцы, по которымъ и Западъ не прочь учиться: Суворовъ и его толкователь Драгомировъ, затѣмъ Бутовскій, а въ новѣйшее время Лешъ, да найдутся, вѣроятно, и другіе. Упомянутые представители русской школы, правда, не кавалеристы, но если изучить ихъ взгляды, методы обученія, приемы, если переложить «эти ноты», да позволить мнѣ употребить это выраженіе, «на кавалерійскій инструментъ», то полевая подготовка нашего кавалериста «такъ и потечетъ обильною струею!» *Манежная же ѣзда, которая, при нынѣшнихъ краткихъ срокахъ службы, болѣе необходима, чѣмъ когда-либо, пойдетъ своимъ чередомъ.* Упомянутые представители нашей полевой школы опередили свою эпоху на многіе десятки лѣтъ, а школа эта должна теперь именно, при почти-что миллионныхъ срокахъ службы, получить настоящую оцѣнку—но ее надо эксплуатировать болѣе, чѣмъ это имѣетъ мѣсто.

До сихъ поръ, однако, въ нѣкоторыхъ частяхъ, расположенныхъ въ глухихъ стоянкахъ, люди въ теченіе всей зимы ѣздятъ только смѣнами въ манежахъ (закрытыхъ или открытых); отъ этой «ѣзды гусемъ» всадники и лошади прямо таки глупѣютъ, а послѣдніе пугаются впоследствии на мѣстности въ одиночку всякаго куста, спотыкаясь черезъ каждый бугорчикъ и падая иногда при перепрыгиваніи малѣйшей не то что канавы, а просто рытвины—пока не втянутся на большихъ маневрахъ въ дѣло, или же закидываясь, когда приходится брать пустое препятствіе не въ массѣ, а въ одиночку⁴⁾. Смѣны ходятъ въ нѣкоторыхъ полкахъ исключительно ма-

⁴⁾ Пока повѣрка не проистигаетъ съ «ъздой гусемъ», подготовка нашего кавалериста къ несенію полевой службы будетъ всегда хромать. Надо постоянно имѣть въ виду примѣнимость человека и коня для одиночныхъ порученій. Съ окончаніемъ

нежнымъ галопомъ, а обыкновеннымъ (фронтнымъ) и полевымъ либо вовсе не ѣздить зимою, либо проскакиваютъ имъ около полминуты (т. е. 200—300 шаговъ, примѣрно), вмѣсто требуемыхъ нашимъ Наставленіемъ четырехъ верстъ. Простымъ и полевымъ галопомъ начинаютъ, строго говоря, ходить, и то мало, лишь во время эскадронныхъ сборовъ, сразу въ развернутомъ фронтѣ или во взводной колоннѣ, безъ предварительнаго систематическаго обученія этому аллюру (наскакиванія), а это не только вредно отзывается на конскомъ составѣ, но является причиною неумѣлаго хожденія галопомъ и частыхъ во время его паденій. А если этого не бываетъ, то при галопированіи лошади дерутъ головы, засѣкаются, получаютъ растяженія сухожилій, *поставленные же постъ галопу на рысь куютъ неимоვნю*. Все это потому, что онѣ недостаточно наскакивались въ смѣнахъ, ибо, коль скоро послѣднія галопируютъ много зимою, паденія, засѣчки, растяженія, «кованіе на рыси» и битые сѣдалищемъ по конской спинѣ не имѣютъ мѣста, въ чемъ я могъ наглядно убѣдиться, покомандовавъ двумя полками и бригадою, но правда, что вмѣстѣ съ засѣчками, растяженіями, ковою и битьемъ по сѣдлу исчезаетъ и не менѣе 30—40% «тѣла», которое многіе требуютъ почти столь же настойчиво, какъ это дѣлалось въ старину. *Развивающійся все больше и больше офицерскій конный спортъ не сумѣлъ влить въ наше строевое дѣло свѣжей струи и системы, какъ это отъ него ожидалось, а каза-*

зимней табуной школы не слѣдуетъ *«закрывать лавку»*, а командиръ полка долженъ и во время эскадронныхъ, и во время дѣтнихъ сборовъ, и осенью, до начала зимнихъ занятій, проверять ежегодно въ каждомъ эскадронѣ одиночную ѣзду, хотя бы одного или двухъ человекъ младшихъ сроковъ службы и одного или двухъ коней послѣднихъ ремонтныхъ, заставляя ѣздить по одиночкѣ 3—4 минуты вокругъ себя. Только такимъ путемъ можно добиться того, что это будутъ въ еще большемъ масштабѣ продѣлывать командиры эскадроновъ, взводовъ, вахмистра и заводные — унтеръ-офицеры, и что недостатки зимней табуной послѣдней системы обученія будутъ устраняемы или исправляемы, по крайней мѣрѣ, дѣломъ и хотя бы до извѣстной степени. Когда командиры полковъ и вообще старшіе начальники проникнутся сознаниемъ необходимости одиночной проверки, тогда и главные работники въ дѣлѣ воспитанія и обученія кавалериста и его коня, т. е. эскадронные командиры, младшіе офицеры и вахмистра, будутъ уделять этому дѣлу должное вниманіе, чего пока, къ сожалѣнію, не дѣлается въ достаточной мѣрѣ. Неумѣющему владѣть кошемъ въ одиночку кавалеристу никакъ не привьешь полевой дисциплины. Въ этомъ отношеніи можно горячо рекомендовать всякому командиру полка задаться цѣлью проверить, хотя бы разъ, всѣхъ лошадей какого-нибудь эскадрона въ одиночку, не исключая и оставленныхъ за излишкомъ дома. Описывать всѣ курьезы и сюрпризы, на которые можно при этомъ наткнуться, не буду — пусть всякій самъ попробуетъ сдѣлать такую проверку, и онъ скоро убѣдится въ необходимости дѣлать ее почаще.

лось бы, могъ, за 50 лѣтъ своего существованія и процвѣтанія, оказать въ этомъ отношеніи больше вліянія. Лишь красносельское полевое упражненіе для гг. офицеровъ гвардейской кавалеріи, которое ввелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Августѣйшій Главнокомандующій, заставило галопировать офицеровъ, втягивать своихъ коней, и надо полагать, что это освѣжить аллюры въ частяхъ. Вѣдь полевой галопъ будетъ играть въ будущихъ войнахъ огромную роль. Уже въ 1870 году бригада Бредова, подъ Марсъ-Лятуромъ, проскакала при своей знаменитой атакѣ больше 7-ми верстъ въ оба конца въ одинъ махъ, а отдѣльныя группы всадниковъ и значительно больше — многія лошади выдохлись тогда совершенно. Послѣ этого въ Пруссіи и Австріи обратили большое вниманіе на проскакиваніе безъ всякаго усилія полевымъ галопомъ такого приблизительно разстоянія ^{в)} и практикуютъ систематически наскакиваніе смѣнъ, а также небольшихъ группъ ѣздоковъ, до постановки людей и лошадей въ строй — у насъ же этого не дѣлается, и, вообще, мы мало галопируемъ. Требованіе бывшаго Августѣйшаго Генераль-Инспектора, чтобы фронтомъ проходить на полевомъ галопѣ 4 версты, приходитъ въ забвеніе! А, по крайней мѣрѣ, забыто то, что при введеніи полевого галопу имѣлась въ виду систематическая, неторопливая выработка этого аллюра, но не отрывистое, случайное примѣненіе его сразу во фронтѣ, какъ теперь это замѣчается. Настоятельно необходимо галопировать побольше въ обыденной, несмотровой обстановкѣ и главнымъ образомъ зимою при смѣнной ѣздѣ, ибо лошади засѣкаются, а ѣздки наши бьютъ на большомъ гололѣ неимоვნю сѣдалищемъ по конской спинѣ, — ясное доказательство, что они ходятъ галопомъ (фронтнымъ) мало, галопировать не умѣютъ, ибо практикуется этотъ аллюръ у насъ рѣдко, въ сущности лишь на смотрахъ или въ присутствіи высшаго начальства и на очень маленькія разстоянія. Офицерство наше стало примѣнять этотъ аллюръ довольно таки часто за послѣдніе годы, офицеры наши галопируютъ много и хорошо, но строй ходитъ этимъ аллюромъ мало, рѣдко, манежный галопъ преобладаетъ и на ученіяхъ, а люди бьютъ, какъ говорилось уже, сѣдалищемъ страшно по конской спинѣ, кони же засѣкаются, коли пустить часть не только полевымъ, но обыкновен-

^{в)} Такое разстояніе слишкомъ велико для нашего недостаточно кровнаго конскаго состава, да и тамъ оно не всякой лошади въ пользу — въ Германіи и Австріи въ строю масса безногихъ лошадей, но все же навѣстный тренингъ полезенъ и нашему коню.

нымъ строевымъ галопомъ. Только тотъ эскадронный командиръ можетъ считать себя современнымъ, который сумѣлъ отучить всадниковъ отъ этой только что упомянутой дурной привычки, равносильной неумѣнью ѣздить. Люди, мало служившіе въ строю, не придаютъ этому подобающаго значенія, да и не замѣчаютъ этого страшнаго порока, являющагося послѣдствіемъ хожденія исключительно манежнымъ галопомъ, при которомъ «битья сѣдалищемъ по спинѣ», конечно, не бываетъ.

Позволю себѣ привести одинъ изъ отданныхъ мною на счетъ этого приказовъ, въ которомъ я обращаюсь къ моимъ подчиненнымъ со слѣдующими словами:

«Зимняя ваша работа близится къ концу, а рядъ блестящихъ смотровъ, сланныхъ вами, свидѣтельствуетъ о томъ, что она была весьма плодотворною. Осталась теперь, главнымъ образомъ, стрѣльба, на которую нужно обратить, въ виду ея важности, серьезное вниманіе, и, кромѣ того, необходимо упражняться въ ѣздѣ въ одиночку, а также въ насканиваніи смѣнъ и взводовъ сначала обыкновеннымъ (фронтнымъ), а впослѣдствіи и полевымъ галопомъ до 2-хъ верстъ, добиваясь, чтобы лошади не мѣняли на этихъ аллюрахъ ногъ и люди не били по конской спинѣ сѣдалищемъ, а скользили имъ по сѣдлу. Если это почему либо невозможно сдѣлать въ манежѣ, то надо переѣзжать на плацы, на военное поле, на дороги, тамъ оно вполне возможно. Начинать галопъ (фронтной) и полевой галопъ сразу въ развернутомъ строѣ или во взводной колоннѣ—это страшная ошибка. Нужно обучать этому аллюру раньше а время еще есть. Отъ такой ѣзды лошади возьмутъ еще лучше поводъ, явится и нѣкоторый упоръ на него, такъ называемая «пятая нога», безъ чего полевая ѣзда немислима, а она предстоитъ въ скоромъ времени—надо къ ней подготавливаться».

Не отходящихъ отъ фронта лошадей нѣтъ въ полку, слава Богу, но такихъ, которыхъ тянетъ къ нему, наберется по одной или по двѣ въ каждомъ взводѣ или смѣнѣ, не больше. Вотъ съ ними надо заниматься, и это могутъ и должны дѣлать сами взводные унтеръ-офицеры, до прихода офицеровъ на смѣнную ѣзду или на взводное, а то эскадронное ученіе, заставляя поѣздить, хотя бы 5—6 минутъ, въ одиночку передъ фронтомъ всадниковъ, сидящихъ на этихъ лошадяхъ, а также болѣе слабыхъ и отставшихъ ѣздоковъ.

Повторяю сказанное мною уже много разъ и отданное въ одномъ изъ приказовъ по полку:

«Какъ выстроенная для ученія рота дѣлаетъ до прихода офицеровъ нѣсколько ружейныхъ пріемовъ, такъ смѣна или вообще кавалерійская часть не должны въ ожиданіи начальства бездѣйствовать, а слѣдуетъ пользоваться этимъ временемъ и вырабатывать повинненіе у труднаго коня, умѣнье управлять лошадыю въ одиночку у отставшаго ѣздока или же задаваться цѣлью успокоенія такою ѣздою горячаго коня»⁶⁾.

«Гг. офицерамъ надо имѣть также въ виду, что въ строю каждаго эскадрона будетъ въ этомъ году, вслѣдствіе сокращенія срока службы, находится лѣтомъ больше 60-ти молодыхъ солдатъ, которые только что успѣли освоиться съ кавалерійскимъ дѣломъ. Еще мѣсяць или два, и ихъ по необходимости придется посылать съ приказаніями, словесными донесеніями, имъ будутъ поневолѣ даваемы лѣтомъ и болѣе трудныя порученія, такъ какъ молодые солдаты составляютъ нынѣ больше половины строевого состава. Настоятельно необходимо готовить ихъ уже теперь къ всесторонней служебной дѣятельности. Въ нашъ вѣкъ пара, электричества, беспроволочнаго телеграфа, пулеметовъ, прожекторовъ, автомобилизма, авіатики, радія, рентгеновскихъ лучей и страшно короткихъ сро-

⁶⁾ Каждая лошадь должна смѣло и безъ всякой съ нею борьбы совершенно охотно выходить изъ шеренги, а всадникъ долженъ умѣть управлять ею, ѣзда передъ фронтомъ въ одиночку спокойно рысью, потомъ и галопомъ, оставаясь на одномъ и томъ же манежѣ и не оставляя за собою новыхъ конскихъ слѣдовъ, не выходить, такъ сказать, изъ своего, разъ занятаго, манежа. Коня слѣдуетъ вести въ сборѣ, онъ не долженъ драть головы, ходъ его долженъ быть ровный, а посадку слѣдуетъ соблюдать правильную. Это вѣнецъ одиночнаго коннаго обученія, рекомендуемый современными мастерами кавалерійскаго дѣла (Гогенлозъ, Розенбергъ, Шмитъ, Эдельгеймъ, Бернгарди, Галифе). Но у насъ эта система проверки не прививается; въ социальную ей не придаютъ подобающаго значенія, въ особенности въ глухихъ провинціальныхъ стоянкахъ, куда все новое доходитъ поздно. Мы любимъ увлекаться фигурной манежной ѣздой, каруселями, кадрилими, показываемыми даже въ пѣмью, затрачивая на это массу времени. Но все это не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что здравый смыслъ называетъ «ѣздою» и владіемъ лошадыю, ибо при фигурной ѣздѣ исчезаетъ возможность наблюденія за правильной посадкой, вѣрной постановкой лошади; табунныхъ наклонностей мы этою ѣздою не покоряемъ—наилучше выдрессированный для этихъ пантомимъ конь оказывается сплосъ и рядомъ нигде негоднымъ и въ одиночку плохо повинуется, а то не отдѣляется и вовсе отъ фронта. Напрасно мы любимъ изобрѣтательностью показывающихъ сложныя фигуры, какъ въ котильонѣ; употребленное на заучиваніе такого балета (сплосъ и рядомъ сначала пѣшкомъ) время можно бы использовать гораздо лучше, занимаясь полевымъ дѣломъ, или готовя хотя бы въ нему человека и коня. Въ Германіи этой фигурной ѣздѣ, которую тамъ тоже увлекались одно время, но отъ которой уже отказались, присвоено неслезное названіе: «Pudeldressur».—(Дресировка пуделей). У насъ же ее называютъ просто балетомъ, пантомимой или котильономъ.

ковъ службы не приходится дремать, а надо торопиться: сегодня онъ новобранецъ, завтра уже называется молодымъ солдатомъ; черезъ нѣсколько недѣль онъ стрѣлокъ, а въ скоромъ времени развѣдчикъ, потомъ унтеръ-офицеръ, а дальше и взводный.

Предлагаю примѣнять слѣдующіе, не могущіе представить никакихъ особенныхъ затрудненій, испытанные мною уже 25 лѣтъ тому назадъ, приемы и шоровки. Они очень развиваютъ нашего молодого солдата, который самъ по себѣ обладаетъ, за малыми исключениями, большой природной смѣтливости, но застѣнчивъ и недостаточно гибокъ въ умственномъ отношеніи.

Въ концѣ смѣнной ѣзды или ученія, а то и во время онаго, пока часть или смѣна занимаются ѣздой въ одиночку, рубкою или преодоленіемъ препятствій, и даже во время стрѣльбы посылаютъ нѣсколько всадниковъ, для перваго раза группами по 3—4 человека, потомъ попарно, а внослѣдствіи въ одиночку, по разнымъ маршрутамъ, рассчитаннымъ на 25—30 минутъ примѣрно, по дорогамъ, по улицамъ стоянки, вообще по окрестностямъ расположенія. Вначалѣ имъ даютъ весьма несложныя порученія: сосчитать фонари или дома на такой-то улицѣ, запомнивъ, сколько каменныхъ и сколько деревянныхъ строеній; посмотреть, сколько въ такомъ-то зданіи оконъ, а то рассказать, сколько встрѣчено въ пути повозокъ, всадниковъ, пѣшихъ людей (военныхъ или штатскихъ); какая была дорога, попадались ли мосты, и каковы они? Можно разнообразить такія задачи до безконечности, усложняя ихъ понемногу. Важна лишь правильная система веденія этихъ занятій, система, не запугивающая такого парня сразу книжнымъ языкомъ. Онъ отъ этихъ книжныхъ словъ иногда прямо обалдѣваетъ, ища спасенія въ отвѣтѣ: «Не могу знать». Способный и любящій свое дѣло офицеръ,—а этихъ качествъ вамъ, господа, ни у кого занимать нѣтъ надобности,—сумѣетъ придать такому занятію разнообразіе и поучительность, въ этомъ я ничуть не сомнѣваюсь!

По истеченіи какихъ-нибудь 2-хъ недѣль молодого солдата посылаютъ уже одного и приказываютъ ему зорко смотрѣть и запоминать все то, что онъ видѣлъ, что попало ему «болѣе замѣчательнаго» по дорогѣ и рассказать объ этомъ. Изъ опыта могу заявить, что сначала въ группахъ или парахъ одинъ выручаетъ другого, дополняетъ рассказъ, перечисляя то, что докладывающій или забылъ или не замѣтилъ, потомъ каждый изъ нихъ пріучается наблюдать, рекогносцировать и докладывать. Лишь болѣе слабымъ по развитію и особенно застѣнчивымъ приходится учителю помогать

вначалѣ немного: «а того-то, тамъ-то не видѣлъ? а этого не встрѣчалъ по дорогѣ? а у людей, что (какъ говоришь) по близости копали землю, не могъ спросить, какое это строеніе, чье имѣніе, мыза или заводъ?» и т. д.

Не мѣшаетъ, когда люди уже наловчатся до известной степени, посылать ихъ гг. офицерамъ другъ къ другу: позвать черезъ такого посыльнаго товарища къ себѣ въ гости, предложить ему совершить въ опредѣленный часъ совмѣстную прогулку верхомъ, въ экипажѣ, на лодкѣ, попросить у него черезъ молодого солдата одолженія на время какого-нибудь устава или книги и т. д. Только не гоняйтесь, господа, за гладкими отвѣтами или за безошибочною передачею вашего желанія; пусть люди бросятъ фразы: «честь имѣю явиться» «позвольте вамъ доложить» и т. д. Будьте довольны, если добились, что молодой солдатъ говоритъ смѣло и начинаетъ соображать, что отъ него требуется, и то слава Богу!

Изъ моей личной практики могу васъ увѣрить, что уже послѣ 3-хъ—4-хъ недѣль, если продолжаться это ежедневно, вы замѣтите громадный успѣхъ и по ѣздѣ, и по умственному развитію, а при продолженіи ежедневныхъ упражненій, къ выходу въ лагерь, а то къ началу маневровъ ординарцы, развѣдчики и рекогносцеры на половину готовы. Прочный фундаментъ къ усвоенію сути полевой службы положенъ и, если не все, то хотя $\frac{3}{4}$ молодыхъ солдатъ превращено изъ «манекеновъ» и «автоматовъ» въ сознательныхъ служаекъ. Къ несчастью, наша зимняя табунная система обученія, обусловливаемая недостаткомъ времени, пространства и малымъ числомъ учителей, вырабатываетъ именно «манекеновъ», «автоматовъ»,—весною поэтому нужно стараться исправить привитыя за зиму, какъ коню, такъ и человѣку, табунныя наклонности.

Прошедшій такой приготовительный курсъ парень можетъ направить лошадь туда, куда ему нужно; онъ умѣетъ наблюдать за чѣмъ-нибудь, глаза и уши работаютъ, голова думаетъ, языкъ развязанъ, чего же еще надо? Природной полевой смѣтки у русского простолюдина хоть отбавляй, но мы ее притупляемъ, когда начинаемъ дѣло съ теоріи, съ уставныхъ, совершенно непонятныхъ молодому солдату, выражений (авангардъ, арьергардъ, фронтъ, флангъ, резервъ, секретъ, атака, парламентаръ и т. д.) ⁷⁾. Форма заѣдаетъ

⁷⁾ Мы привыкли къ длиннымъ срокамъ службы, когда на выучку всего этого сложнаго дѣла было много времени; намъ не приходитъ въ голову, что все эти иностранныя слова—это не только «военная наука», но вмѣстѣ съ тѣмъ чуть-ли не

духъ, а, когда дѣло доходить до маневренной практики, то уже поздно: парень разучился говорить по-русски, по крестьянски и понимать то, что онъ видитъ; онъ ищетъ чего-то замысловатаго и норовитъ болтать по книжному, по заученному наизусть, какъ попугай, боясь простого «мужицьяго слога», которымъ, до поступленія на службу, владѣлъ, однако, въ совершенствѣ⁸⁾.

Эту систему надо примѣнять и въ учебной командѣ, а также при обученіи развѣдчиковъ, въ особенности молодыхъ, не имѣвшихъ достаточной полевой практики, да и со старослужащими. Но тутъ уже можно, практикуя выѣзды въ поле, изучать понемногу и мѣстность (дорога, болото, оврагъ, дѣсь), объясняя ея военное значеніе (проходимость для войскъ, обозовъ, возможность или невозможность произвести въ извѣстномъ направленіи конную атаку, способность укрыть развѣдчика, развѣздъ, цѣлую часть или служить позиціей); знакомятъ людей также съ компасомъ, картою и ориентировкою. Послѣ ряда такихъ полевыхъ уроковъ можно уже переходить къ уставнымъ формамъ и выраженіямъ, которыя солдатъ будетъ усваивать гораздо легче, *чѣмъ если сразу въ казармѣ забрасываютъ его голою теоріей и иностранными терминами*⁹⁾. Выѣзды въ поле дѣлать, какъ только будетъ назначаться приказомъ по полку проѣздка или занятіе полевой службою, да и въ другое свободное время круглый годъ.

Проверка этого дѣла будетъ мною произведена до выступленія въ лагерь, отдѣльно развѣдчикамъ, и отдѣльно старослужащимъ и молодымъ солдатамъ».

«изученіе французскаго языка», и что на это нѣтъ уже ни 6-ти, ни 7-ми лѣтъ, какъ прежде, а всего 4 года, и потому необходимо изыскать новыя методы и средства къ достиженію остающейся неизмѣнной окончательной цѣли обученія солдата.

⁸⁾ Надо стараться сохранить этотъ «мужицкій слогъ» подольше, ибо онъ свидѣтельствуетъ о мозговой работѣ, а не объ отечканіи заученныхъ непонятныхъ фразъ—необходимо выучиться понимать эту примитивную рѣчь.

⁹⁾ Особенно важно добиться того, чтобы люди не стѣснялись обращаться къ офицеру съ вопросами, проси повторенія и разъясненія имъ того, что ими не понято. Этого достичь не такъ легко, а оно очень важно.

Изложенный въ приведенномъ выше приказѣ по полку методъ обученія полевой службѣ проповѣдывается мною давно. Около 25-ти лѣтъ тому назадъ я его изложилъ подробно въ изданномъ мною тогда и давно распроданномъ *«Руководствѣ для полевой подготовки кавалериста и его коня»*,—книга эта имѣла успѣхъ, и многіе полки примѣняли изложенное тамъ, достигая, какъ мнѣ неоднократно говорили, хорошихъ результатовъ—ею пользовались, какъ мнѣ рассказывалъ одинъ, прибывшій на юбилей нашей офицерской кавалерійской школы, иностранный офицеръ, и за границей, *идъ пздъ одиночнаго челоуька придають огромное значеніе въ последнее время, а пзда смѣною почти-что отжила свой вѣкъ*. О методѣ обученія полевой ѣздѣ есть также указанія въ моей брошюрѣ: *«Псовая охота и охота по бумажному слѣду»*, равно какъ въ книжкѣ: *«Современные приемы обученія коня и всадника»*. Но, пока проверка нашихъ знаній и нашего умѣнія не освободится отъ остатковъ той рутинны, о которой говорилось выше и, упуская изъ виду главное, будетъ гоняться за массою несущественнаго, выѣзды со смѣнами на мѣстность не привьются, и врядъ-ли удастся оживить полевое дѣло вообще, выработавъ у насъ изъ солдата краткихъ сроковъ службы не только автомата, но одиночнаго ѣздока и сознательнаго полевого работника. Проверка должна, повторяемъ еще разъ, совершенно измѣниться и преслѣдовать чисто боевыя цѣли—никакихъ особенныхъ головоломныхъ упражненій нѣтъ надобности производить, но надо придать какъ маневренной, такъ и полевой проверкѣ чисто одиночный характеръ, начавъ хотя бы съ того, чтобы мѣнять ежедневно при смѣнной ѣздѣ головного номера (такъ какъ, въ сущности, онъ одинъ управляетъ конемъ вполнѣ самостоятельно), и этимъ выиграемъ уже много. Тогда способъ подготовки, система обученія пойдутъ сейчасъ же вслѣдъ за проверкою, ибо обучаютъ всегда тому, что требуется на смотрѣхъ. Объ этомъ я распространилъ нѣсколько подробнѣе и въ моей брошюрѣ: *«Безошибочные приемы проверки работоспособности конницы»*. Тамъ, гдѣ начали сознавать это и переходить къ болѣе разумной проверкѣ дѣла, успѣхи становятся замѣтными, и такія части, какъ уже говорилось, напоминаютъ хорошо сыгранную труппу или оркестръ. Они пришли, повидимому, къ сознанію, что проверка должна быть приурочена къ короткимъ срокамъ службы, что, проверяя развѣдчика, нельзя ограничиваться трафаретными вопросами, предоставляя его затѣмъ на маневрахъ собственной смѣткѣ, собственной изворотли-

востях, какъ это могло имѣть мѣсто при прежнихъ длинныхъ срокахъ службы. Нынѣ необходимо обучать его сразу практически и такимъ же практическимъ путемъ провѣрять его ловкость и находчивость, вообще здравый смыслъ, приучая также задавать офицеру вопросы и просить разъясненія того, что ему непонятно, а потомъ только проходить съ нимъ теорію, когда удалось возбудить интересъ къ дѣлу, когда удалось увлечь людей (а это главное): сухой лекціей въ казармѣ этого никогда нельзя достигнуть. Но въ томъ то и дѣло, что далеко не вездѣ это сознаютъ, и, пока совершенно вѣрные и трезвые взгляды на это дѣло не проникнутъ въ массу, дѣло будетъ подвигаться медленно. За малыми исключениями, наша обыденная «смотровая система» пользуется все еще приемами, унаследованными отъ того времени, когда новобранцевъ было на эскадронъ лишь нѣсколько человекъ, когда они ходили только съ прищипками, лопатами, таскали дрова, подметали дворы, чистили на кухнѣ картофель, вообще несли, главнымъ образомъ, хозяйственные наряды, въ строй же вливались, такъ сказать, «по каплѣ», а само время вырабатывало бойца и развѣдчика постепенно, незамѣтно, да и условія боя и войны были совершенно другія, чѣмъ нынѣ. Тогда роль обучающаго и начальника могла ограничиваться съѣздкою, сколачиваніемъ смѣны или части, для дѣйствія въ сомкнутомъ строю, а умѣнье дѣйствовать въ одиночку вырабатывала сама жизнь, продолжительная служба, практика военного времени. Условія измѣнились теперь совершенно: войны стали рѣдки, жизнь ушла впередъ, сроки службы сократились—шаблоны, трафаретные вопросы, предлагаемые, хотя бы подъ видомъ практики, съ коня и на мѣстности, не даютъ успѣшныхъ результатовъ; ихъ надо сдать въ архивъ, какъ остатокъ стараго негоднаго метода обученія, пока еще не поздно.

Даже пятилѣтній срокъ службы и тотъ избаловалъ насъ, если мы станемъ сравнивать себя съ Западомъ, и пройдетъ много времени, пока дѣло не наладится. Разныя полевая шероховатости врядъ ли удастся сгладить иначе, какъ допуская имѣть, какъ за границею, весь составъ унтеръ-офицеровъ изъ сверхсрочныхъ и учредивъ 3-й курсъ въ военныхъ училищахъ, дабы обѣ категории помощниковъ ротнаго или эскадроннаго командира являлись компетентными учителями въ практикѣ полевого дѣла, а не учениками, чуть ли не наравнѣ съ рядовыми. Необходимо использовать осеннее время, какъ самое удобное для практическихъ занятій, а оно, какъ говорилось

въ началѣ этой замѣтки, пропадаетъ совершенно. Наши молодые офицеры любятъ и умѣютъ командовать, знаютъ въ большинствѣ случаевъ и уставы; между ними есть масса неустрашимыхъ ѣздоковъ, а въ Русско-японскую войну они дрались храбро; они весьма усердные работники, но роль учителя и воспитателя многимъ изъ нихъ не подъ силу. Да иначе и быть не можетъ, ибо они проходятъ въ школахъ лишь «начальное дѣло», такъ сказать, азбуку и ее въ сущности одну только и знаютъ, въ полѣ же являются диллетантами, пока не приобретутъ и въ этомъ отношеніи опытности, которую даетъ лишь многолѣтняя практика и какой ни одна школа дать не въ состояніи. Можетъ ли, однако, учитель, знающій одну азбуку, вѣчно твердящій своимъ ученикамъ эту азбуку и вѣчно повторяющій съ ними таковую, быть наставникомъ для жизни?— Очевидно, что нѣтъ! Молодой офицеръ не обладаетъ и необходимой всякому учителю и воспитателю «наблюдательностью». Последнюю можно бы вырабатывать систематически въ училищахъ и кадетскихъ корпусахъ, хотя бы по системѣ «Баденъ-Пауля», взявъ примѣръ въ этомъ съ «командъ потѣшныхъ», принявшихъ уже эту систему въ основу воспитанія молодежи. Что вновь произведенный офицеръ не имѣетъ никакой за собою практики— это знаютъ все. Не лучше ли было бы поэтому, чтобы молодой человекъ начиналъ, какъ въ Германіи, службу въ войскахъ, проходя ее сначала практически, а потомъ уже поступалъ въ училище? Педагогическія способности являются, правда, дарованіемъ, но при нѣкоторомъ желаніи и усердіи ихъ можно и приобрести, по крайней мѣрѣ, въ томъ незначительномъ объемѣ, который вполне обеспечиваетъ успѣшные результаты по обученію нашего весьма понятливаго солдата; въ руководствахъ и учебникахъ по этой отрасли службы у насъ нѣтъ недостатка; изъ нихъ можно, при желаніи, составить цѣлую специальную бібліотеку, но бѣда въ томъ, что наша кавалерія не любитъ читать. А то, можетъ быть, было бы полезнымъ собирать молодыхъ офицеровъ сейчасъ послѣ ихъ производства на 3—4 мѣсяца въ особая школы при штабахъ дивизій, для прохожденія на практикѣ полевого курса, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ западныхъ арміяхъ? Тѣмъ или инымъ путемъ придется что-нибудь предпринять, чтобы достигать лучшихъ, чѣмъ до сихъ поръ, результатовъ по развѣдкѣ и вообще въ полевой службѣ конницы. Наши поѣздки съ развѣдчиками являются въ большинствѣ случаевъ «отбытіемъ номера». Люди вычерчиваютъ разные кроки и планы, которые исправляются

по возвращении въ штабъ полка, иногда же тамъ прямо чертятся эти планы, пишутся донесенія потому, что все это представляется для контроля (къ несчастію фиктивного, а не фактическаго) въ штабъ дивизіи. На основаніи этихъ, болѣе или менѣе умѣло составленныхъ, работъ, журналовъ и отчетовъ дѣлаются иногда заключенія о состояніи полевого дѣла въ части, объявляются благодарности, замѣчанія, а *потомъ удивляются, что на маневрахъ результаты развѣдки плохіе*. Кавалеристовъ напрасно отрываютъ отъ обычныхъ занятій, а сама поѣздка, въ особенности зимою, да въ сущности и лѣтомъ, производится по необходимости исключительно по дорогамъ «кучею» и служитъ лишь моціономъ для людей и коней, съ мѣстностью и ориентировкою на ней она не знакомитъ, не даетъ и одиночной полевой практики. Это въ сущности только обремененіе нашего, и безъ того скуднаго, полковаго хозяйства, выдающаго массу суточныхъ для этихъ поѣздокъ денегъ. Въ послѣднее время стали совершать эти «дальнія поѣздки» вокругъ стоянокъ полковъ, съ возвращеніемъ ежедневно на ночь въ казармы, причѣмъ кое-гдѣ, вѣроятно, мѣняютъ лошадей, а, можетъ быть, и людей (хотя бы для того, чтобы чередовать суточные наряды оставшихся дома старослужащихъ), такъ что поѣздка перестаетъ быть «дальною» и теряетъ всякій смыслъ. Въ общемъ же эти поѣздки не дали, какъ показала маневренная практика и война, того, чего отъ нихъ ожидали, и отмѣна этихъ упражненій была бы весьма желательною. Зимнія поѣздки нарушаютъ совершенно ходъ занятій, и вся «учебная жизнь полка» останавливается, ибо онѣ введены были при 6-ти лѣтнемъ срокѣ службы, когда было на половину меньше молодыхъ солдатъ и когда половинное число нижнихъ чиновъ, сравнивая его съ нынѣшнимъ, назначалось въ учебную команду, такъ что съ уходомъ развѣдчиковъ оставалось дома достаточно старыхъ солдатъ. Надо имѣть въ виду, что, теперь, когда выступаютъ въ поѣздку, то старослужащіе недавно уволены въ запасъ, учебная же команда, т. е. по 10 человекъ, и около 60-ти молодыхъ солдатъ каждаго эскадрона не несутъ нарядовъ; развѣдчики, т. е. лучшіе люди ушли въ поѣздку—кто же остался для того, чтобы заниматься (объ этомъ нечего мечтать), но хотя бы для несенія обычнаго полковаго наряда, даваемаго эскадрономъ? Нѣсколько человекъ! Въ канцеляріи составляется сборный отъ 2-хъ, 3-хъ, а то и отъ всѣхъ эскадроновъ нарядъ домашнихъ и городскихъ карауловъ, дозоровъ, посыльныхъ, рабочихъ и т. д.; люди несутъ суточные наряды 2—3 дня подъ-рядъ,

а около 40 или 50 лошадей въ каждомъ эскадронѣ, иногда и больше, никѣмъ не убираются и не проѣзжаются. И то хорошо, если ихъ съ помощью молодыхъ солдатъ, удастся три раза въ день накормить и напоить. Съ молодыми солдатами занятія въ это время тоже невозможны, хотя бы потому, что некому съ ними заниматься. Кромѣ того, они кормятъ, поятъ около 125 лошадей, большинство которыхъ осталось безъ хозяевъ въ каждомъ эскадронѣ; они дежурятъ и дневаютъ по эскадрону и по конюшнямъ (это не полагается, но что подѣлаешь?); ихъ заставляютъ убирать навозъ, подметать казармы, конюшни, дворы, панели, манежи, они таскаютъ фуражъ, дрова или уголь, а то сгребаютъ выпавшій снѣгъ (кромѣ ихъ, нѣтъ вѣдь людей), а въ нашихъ, представленныхъ по командѣ, расписаніяхъ красуются слова: *пѣда, рубка, вольтижировка, словесность, прицѣлка*, между тѣмъ «полковая учебная машина стоитъ въ большинствѣ случаевъ неподвижно!» Не есть ли это наглядное свидѣтельство безсмысленности и вреда нашего бумажнаго контроля, убаюкивающаго начальство представляемыми расписаніями, журналами занятій и отчетами о нихъ. Повторяемъ еще разъ, что упомянутыя поѣздки, которыя совершались иногда даже прямо «на бумагѣ», т. е. о нихъ отдавалось только въ приказѣ по части, пользы никому не приносятъ, выѣзды со всѣми смѣнами, хотя бы черезъ день или два, на мѣстность куда полезнѣе и поучительнѣе, не отличаясь этою торопливостью, являющейся на поѣздкахъ вслѣдствіе желанія прибыть засвѣтло и вообще, какъ можно скорѣе, на ночлегъ, причѣмъ о работѣ съ одиночнымъ человекомъ не можетъ быть и рѣчи. Уже гораздо болѣе поучительными являются разборы маневровъ и объявляемые о нихъ въ приказахъ замѣчанія, но и они подвигаютъ, повидимому, полевое дѣло недостаточно впередъ, совершенствуя образованіе офицеровъ, но не оказывая вліянія на развитіе нижняго чина, до котораго данныя разбора не доходятъ. Тактическія занятія съ офицерами приносятъ точно также имъ одну пользу, но они не вездѣ хорошо организованы, да наконецъ, это все-таки теорія, а дѣло хромаетъ на практикѣ. Остается для того, чтобы исчерпать вопросъ о полевой дисциплинѣ, сказать словечко о полевыхъ поѣздкахъ офицеровъ. Это одно изъ важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ упражненій, но мало руководителей, умѣющихъ придать такому занятію интересъ, поучительность. Въ послѣднее время, командуя полками, случалось мнѣ быть свидѣтелемъ очень плодотворной въ этомъ направленіи работы, съ примѣ-

неніемъ къ боевымъ условіямъ, но раньше въ младшихъ чинахъ приходилось видѣть, какъ, поѣздивъ по мѣстности часа полтора, всѣ участники съ руководителемъ забирались для предварительныхъ распоряженій и обсужденій въ какую-нибудь хату, доставали карты, циркуля, бумагу, карандаши—распоряженія и обсужденія переходили въ задачу, рѣшаемую на картѣ, ибо $\frac{3}{4}$ работы дѣлалось подъ крышею; циркуль, компасъ, черченіе, писаніе играли тогда главную роль и хорошо, если иному офицеру приходится заканчивать «дневную порцію» на мѣстности; иногда же и этого не бывало, и выходилъ, слѣдовательно, тотъ же классъ, и та же теорія.

Н. Волъфъ.

